DOI 10.15826/izv1.2020.26.4.066
УДК 821.161.1-9 + 398.224 + 398.44

Н. Н. Пуряева

РОЛЬ ЭПИЗОДА СО ЗМЕЕЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ МИФА О КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЕ

Статья посвящена сюжетному элементу, встречающемуся в ряде текстов о Н. А. Дуровой. Он условно обозначен как эпизод со змеей. Автор выдвигает гипотезу о том, что эпизод является мифологемой, имеющей несколько значений. На основе результатов исследования делается заключение, что эпизод со змеей отсылает к древнегреческому мифу о Геракле, выступает как аллюзия на библейскую легенду о змии-искусителе и как иносказательный образ врага-завоевателя. Завершает статью вывод о том, что эпизод со змеей приобретает значение мифологемы, которая в контексте повествования о Дуровой обозначает инициацию героини.

Ключевые слова: Н. А. Дурова; кавалерист-девица; миф; мифологема; змея; Д. Л. Мордовцев; Л. А. Чарская

Проблеме архетипического в литературе посвящено большое количество исследований. В данной работе мы не претендуем на реконструкцию целостного архетипа или мифа. Наша задача — отметить конструктивный элемент мифа, проявляющийся в ряде текстов, и предложить его интерпретацию.

В теоретических положениях мы опираемся прежде всего на работы Е. М. Мелетинского [4, 5], Э. Кассирера [3], В. Н. Топорова [8].

Надежда Дурова — одна из немногих в русской культуре женщин, о ком существует целый корпус художественных текстов: за 150 лет их было создано порядка пятнадцати, последний из известных нам — в 2016 г. Между тем эта тема не попала в фокус внимания исследователей, что определяет новизну данной работы.

Фигура Дуровой и события ее жизни в разные исторические эпохи осмысливались по-разному [7], тем более любопытен тот факт, что в ряде произведений, отстоящих друг от друга по времени и созданных разными авторами, намечается несколько повторяющихся мотивных элементов. Ниже мы рассмотрим один из них, условно обозначив его как *эпизод со змеей*.

В тексте записок Дуровой, вышедших в 1836 г. под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России», эпизода со змеей нет, он появляется в «Добавлении к Девике-кавалерист», включенном в переиздание 1839 г. В очерке «Некоторые черты из детских лет» Дурова описывает именины по случаю своего 14-летия:

Чтоб кончить этот день какой-нибудь шалостью знаменитою, спешила я пройти мысленно все свои резвости в Малороссии и вспомнила, что, живши там, случалось мне иногда находить змею, на которую я в ту же секунду наступала ногою, наклоняясь, брала

ее осторожно рукою за шею, близ самой головы, и держала, но не так крепко, чтоб она задохлась, и не так слабо, чтоб могла выскользнуть. С этим завидным приобретением я возвращалась в комнаты бабушки, и когда ее не было дома, то бегала за *Ганкою*, *Хиврею*, *Вивдею*, *Мартою* и еще несколькими, таких же странных имен, девками, которые все хотя были гораздо старше меня, но с неистовым воплем старались укрыться куда попало от протянутой вперед руки моей, в которой рисовалась черная змея!.. В настоящем смысле рисовалась, потому что она то яростно шипела, выставляя что-то изо рта, то очень картинно обвивала хвостом мою руку, обнаженную до локтя, то опять развивала и махала им в воздухе. Избегав весь дом по всем углам, заставляя всех кричать столько, сколько у кого было голоса, я уходила в сад и в ту минуту, как хвост змеи, оставляя мою руку, колебался в воздухе, бросала ее вдруг на землю и вмиг убегала... [1, 257].

Таким образом, эпизод со змеей в свою биографию Дурова вводит сама, причем среди описанных ею событий детства он, пожалуй, самый «героический». Иными словами, он акцентирован по сравнению с другими.

В следующий раз этот эпизод возникает в тексте первого художественного произведения о Дуровой — романе Д. Л. Мордовцева «Гроза двенадцатого года» (1879). Писатель переносит его из детства героини в период начала ее военной карьеры, когда она под вымышленным именем присоединилась к казачьему полку. Возвращаясь однажды с охоты вместе с товарищем по полку Грековым, Дурова натывается на змею:

— А! мудрец спит на дороге, — заметила Дурова.

— Какой мудрец?

— Да вот — серый, длинный... Будьте мудры яко змеи, а он, дурак, на самой дороге уснул.

— Правда... ну-ка я попотчую мудреца.

И Греков, приложившись к ружью, собирался выстрелить в неосторожного гада. Но Дурова остановила его.

— Нет, не трогайте, — я его в плен живым возьму.

— Как? Ведь он укусит.

— Не укусит — он глуп как Ева... только такую дуру, как наша прабабушка, он и мог соблазнить.

Греков как-то странно засмеялся, а Дурова, вынув из своего ружья шомпол, тихо приблизилась к змее. Последняя, слышав шаги, быстро поползла с дороги, торопясь укрыться в траве, но Дурова предупредила ее, забежав вперед. Змея, свившись спиралью, подняла свою тонкую, черную, красиво блестящую на солнце голову. Маленькие глазки ее заискрились, копьевидный раздвоенный язык-жало, словно черная стальная булавка, быстро высовывался и прятался.

— А! трусишь?

— Она злится... она бросится...

— Нет, трусит... А, мудрец! А бабушку зачем соблазнил? Мы б и теперь в раю жили, если б не ты, да и Наполеона бы не было...

— Антихриста-то? Апалиона?

Когда змея, видя опасность, юркнула было в сторону от Дуровой, эта последняя, быстро нагнувшись, ловко прижала головку гада шомполом к земле, а другою рукою схватила его у самой головки и подняла в воздух. Змей, ущемленный пальцами девушки

у самой головы, не мог укусить своей победительницы и отчаянно извивался всем своим длинным серым телом: то он обвивался несколькими браслетами вокруг кисти девушки, то разматывался, как кнут, во всю дину и извивался в воздухе.

Грекова так поразила эта смелость девушки, что он, хотя за несколько минут до этого сильно было заподозрил ее пол и даже совсем убеждался, что перед ним женщина, теперь снова поколебался в своей уверенности: ни на что подобное никогда не решится женщина... А эта... что это? Она поднесла змею к своей шее, и та ожерельем обвилась вокруг воротника девушки. Это уж черт знает что такое!

— Ох, маминко! ох, лышечко! у казака на шее гадюка! жива гадюка! — закричали девчата, шедшие навстречу охотникам, и бросились врассыпную.

Дурова, освободив шею от живого, холодного ожерелья, быстро швырнула извивающегося гада наземь и прижала его ногой.

— Вот так мы и Наполеона раздавим, как я давлю этого библейского мудреца! — торжественно сказала странная девушка.

Греков онемел от изумления. «Это бес какой-то, — смущенно думалось ему. — Вот дьявол» [6, 58–59].

После романа Мордовцева было создано еще два художественных текста о Дуровой, однако эпизод со змеей вновь появился лишь в повести Л. А. Чарской «Смелая жизнь» (1905). Ориентируясь, видимо, на «Добавления к Девине-кавалерист», Чарская приводит эпизод со змеей, описывая 13-летнюю героиню:

И вдруг острый взгляд девочки замечает нечто неподалеку речного берега в траве. С виду это совсем ничтожный блестящий глянцеви́тый шарик с двумя зелеными, ярко горящими пуговками. Но Надя знает и этот шарик с двумя пуговками, знает смертельную опасность, грозящую каждому, кто наткнется на него. Быстро наклоняется девочка. Миг — и зеленое, тонкое, как лента, тельце гадюки судорожно извивается кольцом, стиснутое за горло смуглой, тонкой рукой. Теперь Надя с тем же хохотом несется назад, прямо навстречу своим деревенским подружкам, все сильнее и сильнее стискивая своими тонкими пальчиками горло змеи. Хивря, Мотря, Одарка и Горпина шалеют от ужаса и с диким криком бросаются врассыпную, подальше от отчаянной панночки и ее страшной пленницы. А она так и помирает со смеху, размахивая мертвым телом уже задушенной гадюки [9, 46].

Эпизод со змеей, таким образом, появляется в трех текстах: в «Добавлении к Девине-кавалерист» самой Дуровой, через 40 лет — в тексте романа Мордовцева, затем еще через 26 лет — в тексте повести Чарской.

У Дуровой (и следом за ней — у Чарской) эпизод отсылает к древнегреческому мифу о Геракле, который был хорошо известен в дворянской культуре первой половины XIX в. Согласно ему, Гера послала к колыбели Геракла и его единокровного брата Ификла двух чудовищных змей, но младенец Геракл задушил их [2, 277; 10, 189]. В контексте мифа о Геракле эпизод со змеей является, в сущности, инициацией героя¹, манифестирующей его выдающуюся силу и включающей его в категорию великих героев Эллады.

¹ См., например, у Метелинского: «Мотивы героического детства частично также отражают обряды инициации, а частично служат общим выражением, знаком самого героизма. Именно так надо понимать рассказы о ребенке Геракле, душащем змей...» [5, 24].

Включая эпизод со змеей в свои автобиографические записки, Дурова, видимо, намекает на этот миф, хотя не воспроизводит его в деталях. Примечательно, что в ее описании эпизод заканчивается для рептилии благополучно и в целом выглядит как шалость. Мордовцев и Чарская достраивают действие в соответствии с внутренней логикой мифа: победа над змеей — это испытание, которое проходит героиня. Таким образом, эпизод со змеей приобретает значение мифологемы.

У Чарской это испытание знаменует переход (инициацию) к отрочеству (героине, напомним, 13 лет), а сам эпизод выделяет ее из ряда обычных деревенских девочек-подружек и становится провозвестником героической судьбы. У Мордовцева испытание со змеей также выступает как инициация и даже более высокого статуса — воина, но в травестированной роли. Писатель вводит в эпизод случайных свидетельниц — группу деревенских девушек, которые демонстрируют вполне ожидаемую «нормальную» женскую реакцию на вид змеи — с воплями разбегаются. Переодетая казаком Дурова не просто ловит полторааршинную змею, но и играет с ней, чем приводит в ужас опытного солдата Грекова, наблюдавшего всю сцену. Он начинал, было, подозревать, что Дурова — переодетая женщина, но теперь решительно отказывается от этой мысли.

В романе Мордовцева мифологема со змеей получает еще одну коннотацию — библейскую. В начале эпизода героиня упоминает миф о соблазнении Евы змеем. В пылу повествования *змея* даже превращается в *змея*, а Дурова выступает как мстительница этому «библейскому мудрецу». Героиня не только демонстрирует превосходство над скоростью и реакцией змеи, но и «давит» ее, тем самым осуществляя символический акт выхода за пределы, предписанные по рождению женщине, «внучке» Евы.

Мифологема змеи в романе Мордовцева имеет еще одно значение — индустриальный образ врага-завоевателя. Восходящая к «*Symbola et emblemata*» (1705), эта аллегория была широко распространена в русском изобразительном и художественном искусстве XVIII–XIX вв.: вспомним хотя бы статую «Медного всадника», попирающего змею — побежденную Швецию. В романе Мордовцева змея аллегорически обозначает французское нашествие, а эпизод завершается словами: «Вот так мы и Наполеона раздавим, как я давлю этого библейского мудреца!»

Таким образом, в рассмотренных произведениях *эпизод со змеей* выступает как мифологема, имеющая несколько уровней трактовки, однако основная ее функция в данных текстах — выделить героиню, обозначить ее уникальность или, если смотреть с точки зрения мифа, — обозначить инициацию героини перед выполнением ее миссии.

-
1. Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. 575 с.
 2. Зайцев А. И. Геракл // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 277–283.
 3. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление. М. ; СПб, 2001. 279 с.
 4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. 408 с.
 5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 146 с.

6. *Мордовцев Д. Л.* Гроза двенадцатого года. М., 1991.
7. *Пуряева Н. Н.* Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2018. № 3. С. 224–233.
8. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. М., 1994. 624 с.
9. *Чарская Л. А.* Смелая жизнь : ист. повесть. М., 1991. 240 с.
10. *Ferber M.* Serpent // *Ferber M. A Dictionary of Literary Symbols.* Cambridge, 1999. P. 185–189.

Статья поступила в редакцию 23.06.2020 г.